

Скелеты, рассыпавшиеся прахом, и обугленные вековые деревья развеялись по ветру, словно обычная пыль. Порывы становились всё яростнее, пока Ли Хуайхэну и Цзюли не пришлось зажмуриться. Ветер трепал их распущенные волосы, а в воздухе вновь зазвучала флейта — призрачная мелодия, лившаяся невесть откуда.

На душе стало невыносимо тяжело. Именно это гнетущее неведение — отсутствие ответов на вопросы — давило сильнее всего.

Системное уведомление сообщило, что задание завершено; начислили немного опыта и золотых монет. Пустошь теперь была абсолютно чиста. Если бы не маленькая деревянная флейта в руках Цзюли, можно было бы решить, что всё произошедшее — лишь морок.

— Пойдём, — пробормотал Ли Хуайхэн.

Покончив с важным делом, он почувствовал, как накатывает неодолимая сонливость, и захотел поскорее добраться до города, чтобы выйти из игры.

Цзюли вложил флейту в ладонь Хуайхэна. Это был уже третий предмет, полученный ими в ходе квеста. Тонкая нить сюжета, связанная с нежитью, постепенно вырисовывалась перед ними, но они до сих пор не могли предугадать, что ждёт их в конце пути.

Даже на официальных форумах не нашлось бы точного ответа. В мире Цзю Чжу, который только начал своё существование, любое действие игрока могло изменить ход истории. Здесь могло случиться что угодно.

Они были лишь маленькими фигурами в огромном плетении судеб — и это стало ясно с того самого момента, как они случайным образом оказались в разных стартовых деревьях. Игроки, заполучившие ключи от важных тайн, вставляли на одну из бесчисленных ветвей этого сложного мира, не ведая прошлого и не загадывая наперёд.

Хуайхэн бережно спрятал флейту. То, что Цзюли доверил вещь ему на хранение, не вызвало у него вопросов. Они были друзьями, и между ними не могло быть тайн или счётов.

Они использовали свитки возвращения, щедро предоставленные их богатым нанимателем. Пока шёл десятисекундный отсчёт, Хуайхэн опустил взгляд и заметил нечто удивительное: на иссохшей, потрескавшейся земле начали пробиваться крошечные нежные ростки. Жизнь и надежда возвращались туда, где раньше царили лишь запустение и смерть.

Никто и никогда не узнает, что здесь произошло на самом деле. Никто не поймёт, почему нежить была так одержима своими чувствами.

Хуайхэн невольно подумал о чёрной деревянной флейте. Пожалуй, лишь эти реликвии нежити оставались единственными следами того, что они когда-то жили, любили и страдали.

Спустя десять секунд Ли Хуайхэн и Цзюли оказались в городе. Отыскав укромный уголок, они приготовились выйти из системы. Снова наступил момент прощания. Хуайхэн уже привычно собрался пожелать спокойной ночи, но, поймав спокойный, пронзительный взгляд Цзюли, вдруг почувствовал, что не хочет уходить.

Однако именно этот взгляд напомнил ему о Лиртэ Райнсманне. А следом — и о Леодо. Сонливость как рукой сняло; Хуайхэн отвернулся, не смея больше смотреть на друга.

— Скажи, — вдруг спросил он, — как по-твоему: выдающиеся люди тянутся только к таким же, как они?

Лиртэ Райнсманн рядом с блистательным Леодо казались идеальным союзом — настоящая пара, созданная небесами. «Подобное тянется к подобному», — подумал Хуайхэн. А как же Цзюли?

Цзюли казался обычным: обычная внешность, обычное прошлое... но его характер и поступки были чем угодно, только не заурядными. Хуайхэну всё чаще чудилось, будто они из разных миров. Будет ли Цзюли тоже искать кого-то под стать себе?

Тот не сразу понял, к чему клонит Хуайхэн, но, немного помолчав, ответил рассудительно:

— Дела сердечные — вопрос случая и взаимной симпатии. Здесь нет абсолютных правил. Но ты прав: у выдающихся людей больше шансов встретиться друг с другом.

— А ты? — выпалил Хуайхэн и тут же осекся, укоряя себя за несдержанность.

Вдруг у Цзюли уже кто-то есть? Его охватило смятение; хотелось немедленно исчезнуть, но он боялся, что такой резкий уход испортит их отношения.

Цзюли не стал уточнять подробности своей личной жизни, ограничившись серьёзным ответом:

— Как сложится. Тут нельзя сказать наверняка.

В словах друга Хуайхэн уловил главное, и он мгновенно просиял:

— Значит, ты сейчас один?

Этот внезапный блеск в его взгляде заставил Цзюли вздрогнуть. Внутри всё перепуталось, он не знал, что сказать.

Может быть, этот парень видит в нём только друга, а Цзюли лишь в очередной раз ошибается, принимая его доброту за нечто большее? Но мысли всё равно возвращались к одному и тому же.

Он не был готов к признаниям, но и ранить Хуайхэна не хотел. Поэтому ответил просто:

— Да.

Любопытство грызло Хуайхэна изнутри. Словно преданный фанат, жаждущий узнать все сплетни о своём кумире, он хотел знать о Цзюли всё. Решив пойти на риск, он предложил «обмен секретами» и, стараясь казаться беспечным, добавил:

— Ха-ха, а я вот, представляешь, ни разу ещё не заводил парня.

«Стоп, — пронеслось в голове, — я что, только что выдал, что я гей?»

— А у тебя был кто-то? — спросил он вслух.

— Был.

Улыбка на лице Хуайхэна застыла. Он попытался выглядеть непринуждённо:

— И... почему он тебе понравился? Почему вы расстались?

На этот вопрос даже сам Цзюли не мог ответить однозначно.

— Он проявлял знаки внимания. Мои родители сочли его достойным человеком, подходящим для брака, так что мы сошлись. А разошлись потому, что... не подходили друг другу.

Даже после того, как Леодо ударил его в спину, Цзюли не опустился до злословия. Не потому, что всё ещё любил, а скорее потому, что любви никогда и не было. Или потому, что образ этого человека в его глазах окончательно рухнул в тот миг, когда Леодо показал своё истинное лицо.

За те два года, что они были вместе, Лиртэ Райнсмани был настолько занят на фронте, что у них почти не оставалось времени на близость. Для всего мира они были идеальной, любящей парой, но в действительности у них не было даже нормального свидания, не говоря уже о чём-то большем.

Леодо был выходцем из хорошей семьи с безупречной репутацией. Если бы Цзюли пришлось выбирать спутника жизни, Леодо казался самым логичным вариантом. Он никогда не задумывался об идеале; с самого детства он был слишком занят самосовершенствованием,

чтобы позволить себе влюбиться.

В двадцать шесть лет ему казалось, что пришло время подыскать пару. Встречаться пару лет, в двадцать восемь обручиться, в тридцать — свадьба и дети... Это был классический путь гражданина Империи, хотя при нынешней продолжительности жизни многие оставались одинокими и до пятидесяти.

Но брак до тридцати лет считался символом успеха. Для него это была лишь сделка: подходящее время, подходящее место, подходящий человек.

Тогда, в двадцать шесть, он ещё не встретил никого, кто заставил бы его по-настоящему волноваться. Он был уверен, что неспособен на сильные чувства — у него просто не было на них времени.

Услышав такой ответ, Хуайхэн помрачнел ещё сильнее. Он опустил голову, разглядывая мостовую. У него пропало всякое желание говорить.

— Спокойной ночи, — едва слышно прошептал он и мгновенно вышел из игры.

Цзюли молча смотрел на то место, где только что стоял Хуайхэн. Они не встретились взглядами перед уходом, и Цзюли прекрасно понимал причину такой резкой смены настроения.

Кажется, Ли Хуайхэн влюбился в него, даже сам того не осознавая.

Цзюли понимал и другое: Хуайхэн не был для него просто очередным знакомым, проходящей тенью в его жизни. Этот человек стал для него родным. Он был особенным.

В обычной ситуации человек, осознав взаимную симпатию, постарался бы развить отношения, проверить, смогут ли они быть вместе.

Но для Цзюли главным было не разобраться в своих чувствах, а решить — имеет ли он право начинать это.

Он, обычно столь холодный и спокойный, сейчас был в сильном волнении. Цзюли, никогда не знавший, что такое любовь, только теперь начал осознавать суть своей запоздалой реакции.

Всё дело было в том, как Хуайхэн держался с ним. В том, как он открыто проявлял свою симпатию.

Раньше Цзюли полагал, что любовь — это когда люди подходят друг другу и не вызывают раздражения. Брак же — это союз двух ответственных партнёров. Со временем привычка

должна была перерасти в привязанность.

Но всё оказалось иначе. Цзюли понял это только сейчас.

И именно поэтому он не мог позволить себе сблизиться с Хуайхэном. Не мог разрушить эту хрупкую стену двусмысленности — ведь Ли Хуайхэн и сам ещё не понял, что за огонь разгорается в его душе.

Цзюли любил Ли Хуайхэна. И эта любовь зародилась задолго до этого разговора. Это не было следствием обстоятельств; он даже не знал, как тот выглядит в реальности. Но Хуайхэн открыл ему свою истинную суть, то, что скрыто за внешним обликом, и именно эта внутренняя чистота сделала его особенным.

Кем бы он ни был — высокомерным Лиртэ Райнсманном в прошлом или павшим на самое дно Цзюли в настоящем, — Ли Хуайхэн никак не вписывался в определение «подходящего партнёра». Но Цзюли нашёл миллионы доводов и миллиарды причин, чтобы убедить себя в обратном.

Он не знал, откуда пришло это чувство и как оно окрепло. Но их незримая связь, их поразительное взаимопонимание... Хотя они знали друг друга меньше месяца, казалось, будто за их плечами восемь лет крепкой дружбы. Всё в их отношениях было на редкость гармонично и правильно.

<http://bllate.org/book/17471/1698480>